

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 4, Pp. 836–848, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(517.3)

**Сибирское купечество
 в конкурентной борьбе
 за освоение монгольского
 рынка: проблемы
 и способы их преодоления**

*Анна Максимовна Плеханова¹,
 Алдар Амаголонович Ширапов²*

**Siberian Merchants
 in the Competitive Struggle
 for the Development of
 Mongolia's Markets:
 Problems and Solutions**

*Anna M. Plekhanova¹,
 Aldar A. Shirapov²*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, заместитель директора

 0000-0002-6573-4262. E-mail: [plehanova.am\[at\]mail.ru](mailto:plehanova.am[at]mail.ru)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Deputy Director

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0002-5910-3501. E-mail: [agmaren\[at\]mail.ru](mailto:agmaren[at]mail.ru)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

© КалмНЦ РАН, 2025

© Плеханова А. М., Ширапов А. А., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Plekhanova A. M., Shirapov A. A., 2025

Аннотация. Введение. В статье анализируется история российско-монгольских экономических отношений в конце XIX – начале XX в. *Целью* исследования является определение, анализ и оценка роли представителей сибирского купечества в процессе укрепления торговых связей Российской империи и Монголии на рубеже XIX–XX вв. В рамках поставленной цели предполагается установить причины, по которым сибирские предприниматели были заинтересованы в развитии торговли с Монголией; выявить факторы, препятствовавшие российской экономической экспансии в исследуемом регионе; охарактеризовать роль сибирского купечества в конкурентной борьбе за внутренний рынок Монголии. *Материалы и методы.* Источниковая база исследования опирается на международные договоры, регламентировавшие политические и экономические взаимоотношения России и Китая во второй половине XIX – начале XX в.; законодательные акты Российской империи, регулировавшие торговую и промышленную дея-

тельность; статистические и делопроизводственные материалы, представленные в фондах Государственных архивов Республики Бурятия и Иркутской области. *Методологическую базу исследования* составляют теория модернизации и комплекс специальных методов, в том числе хронологический, статистический, системно-исторический, позволившие реконструировать процесс эволюции русско-монгольских торговых связей в контексте политических и экономических трансформаций, происходивших в Российской империи и странах Внутренней Азии в XIX – начале XX в. *Результаты.* Активизация российско-монгольских экономических отношений в конце XIX в. стала следствием смены внешнеполитического вектора России, обусловленной интересами развития отечественной торговли и промышленности. Главную роль в укреплении торговых связей с Монголией играли представители частного капитала — сибирское купечество. В ходе продвижения на монгольский внутренний рынок отечественные предприниматели столкнулись с рядом проблем и препятствий, главной из которых стала конкуренция с располагавшими огромными финансовыми ресурсами и государственным содействием китайскими фирмами. Опираясь на собственные силы и средства, рассчитывая на государственную поддержку, сибирские предприниматели смогли выстоять в конкурентной борьбе и к началу Синьхайской революции 1911 г. удержать под контролем часть внутреннего рынка Монголии.

Ключевые слова: Российская империя, Цинская империя, Монголия, экономическая экспансия, сибирское купечество, торговля, конкуренция

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия, Монголия и Китай: исторический опыт трансграничного взаимодействия, экономические приоритеты и социокультурные коммуникации» (№ 125091010220-3).

Для цитирования: Плеханова А. М., Ширапов А. А. Сибирское купечество в конкурентной борьбе за освоение монгольского рынка: проблемы и способы их преодоления // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 4. С. 836–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-836-848

Abstract. Introduction. The paper deals with the history of Russia-Mongolia economic relations in the late nineteenth and early twentieth centuries. *Goals.* The study seeks to determine, analyze and evaluate the role of Siberian merchants in strengthening Russia-Mongolia trade relations in the specified period. To facilitate these, the work shall examine why Siberian entrepreneurs were that interested in developing trade with Mongolia, identify some factors that hindered Russian economic expansion in the region, characterize the significance of the Siberian merchant class in the competitive struggle for internal markets of Mongolia. *Materials and methods.* The study focuses on a set of both published and unpublished documents. The former include international treaties that regulated Russia-China political and economic relations from the mid-nineteenth to early twentieth centuries, legislative acts of the Russian Empire pertaining to trade and industrial activities. The unpublished sources include statistical and record-keeping papers from public archives of the Republic of Buryatia and Irkutsk Oblast. Methodologically, the study rests on modernization theory in combination with a number of special methods of historical research — the chronological, statistical, system-historical ones — that prove instrumental in reconstructing the process of evolution of Russia-Mongolia trade relations in the context of political and economic transformations experienced by the Russian Empire and Inner Asian nations at the turn of the twentieth century. *Results.* The change in Imperial Russia's foreign policy vector towards the Asia-Pacific entailed an intensified development of Russia-Mongolia economic ties. The former resulted from the desire of imperial authorities to facilitate further development of domestic trade and industries. The main role in strengthening trade ties with Mongolia was played by representatives of private capital — Siberian merchants. The expansion of Russian merchants into Mongolia's internal markets was challenged by a number of problems and obstacles, the main one having been competition with Chinese trading companies that were enjoying huge financial resources and government support. Siberian entrepreneurs would rely on forces and resources of their own, count on state support — and did withstand the competition to retain control over some part of Mongolia's internal market by the beginning of the 1911 Hsinhai Revolution.

Keywords: Russian Empire, Qing Empire, Mongolia, economic expansion, Siberian merchants, trade, competition

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, project no. 125091010220-3 'Russia, Mongolia and China: Historical Experience of Cross-Border Interaction, Economic Priorities and Socio-Cultural Communications'.

For citation: Plekhanova A. M., Shirapov A. A. Siberian Merchants in the Competitive Struggle for the Development of Mongolia's Markets: Problems and Solutions. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 4. Pp. 836–848. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-80-4-836-848

1. Введение

Рубеж XIX–XX вв. стал временем бурного роста мировой экономики. Благодаря стремительному развитию науки, росту объемов промышленного производства и товарооборота за сорок с небольшим лет — с 1870 г. по 1913 г. уровень мирового ВВП увеличился более чем вдвое — с 1 112,7 млрд долл. до 2 732,1 млрд долл. [Maddison 2005: 7]. Не стала исключением и экономика Российской империи. Ежегодный прирост валового национального продукта в стране составлял 3,3 %, уступая по данному показателю только США — 3,5 %. Если в 1895 г. доля России в мировом промышленном производстве равнялась 3,4 %, существенно уступая ближайшей по данному показателю Франции — 8,6 %, то к 1913 г. эти цифры составляли уже 5,3 % и 6,4 % соответственно [Миронов 2023: 255–256]. Ускоренными темпами шло строительство необходимой для развития экономики транспортной инфраструктуры. С 1881 г. по 1890 г. было введено в строй 7 353 верст железных дорог. В следующее десятилетие, с 1891 г. по 1900 г., эта цифра составляла 20 726 верст [Гливиц 1911: 79]. Не меньшие успехи наблюдались в области внешней торговли империи, где объем экспортных операций стабильно демонстрировал значительный рост. По данным за 1897 г., совокупная стоимость вывезенных за рубеж российских товаров составила свыше 726 млн руб. [Обзор 1899: 2]. Спустя 15 лет, по итогам 1912 г., эта цифра увеличилась более чем в два раза — до 1 млрд 518 тыс. руб. [Статистический 1914: 15]. Ежегодный торговый баланс страны на протяжении 23 лет — с 1890 г. по 1913 г. (за исключением 1899 г.) — завершался с положительным сальдо [Грегори 2003: 222].

Высокие темпы роста экономики требовали расширения российского присутствия на внешних рынках сбыта товарной продукции, притока дополнительных капиталов и

получения доступа к дешевым источникам сырья. В связи с практически завершившимся колониальным разделом мира Великими державами, одним из немногих подходящих для экономической экспансии Российской империи государств в конце XIX – начале XX вв. являлась Цинская империя, в состав которой входила Монголия. Значительную роль в продвижении российского влияния сыграли сибирские купцы и промышленники, чьими усилиями во многом были заложены долговременные основы российско-монгольских торговых отношений. На монгольском рынке сибирские предприниматели столкнулись с рядом препятствий и трудностей. Их выявление и анализ, а также определение и оценка мер, предпринятых сибирскими купцами для нивелирования проблемных ситуаций, являются целью данной работы.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена ранее неопубликованными документами Государственных архивов Республики Бурятия и Иркутской области. Изучение материалов, содержащихся в фонде 261 «Троицкосавская городская управа, 1838–1920» позволило установить, что в конце XIX – начале XX в. кяхтинским купечеством с целью расширения торговых операций с Монголией был предпринят ряд важных шагов, включавших в себя техническую и организационную модернизацию принадлежавших им предприятий. В ходе исследования материалов фонда 293 «Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, г. Иркутск Иркутской губернии 1851–1920 гг.» удалось выявить документы, свидетельствующие о результативности деятельности сибирского купечества, которая была направлена на организацию сети торговых представительств и предприятий обрабатывающей промыш-

ленности на территории Монголии в начале XX в. Анализ внешнеполитических договоров, заключенных между Российской и Цинской империями во второй половине XIX в., дал возможность проследить процесс законодательного оформления правового статуса российской торговли на территории Монголии. Исследование нормативно-правовой документации, содержащейся в Полном собрании законов Российской империи, позволило определить специфику государственного регулирования экспортных операций. На основе статистических сведений, содержащихся в сборниках «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1897 год» и «Статистический ежегодник России 1913 г. Год десятый», установлена динамика развития российской внешней торговли в конце XIX – начале XX в.

В методологическом плане исследование опирается на теорию модернизации и комплекс специальных методов, в том числе хронологический, статистический, системно-исторический. Это позволило логически обосновать и реконструировать процесс эволюции русско-монгольских торговых связей в контексте политических и экономических трансформаций, происходивших в Российской империи и странах Внутренней Азии в XIX – начале XX в., — от скупки небольших партий монгольских товаров сибирскими купцами до создания ими крупных торговых фирм, занятых масштабными заготовками на территории Монголии местной аграрной продукции и последующей промышленной обработкой с целью экспорта готовой продукции на мировой рынок.

3. «Русским подданным предоставляется право торговать беспошлинно в подвластной Китаю Монголии...»: специфика освоения монгольского рынка

Торговля между Российским государством и Монголией зародилась еще в XVII в., однако долгое время объем взаимных экспортно-импортных операций был совсем невелик. Причинами тому служил ряд обстоятельств. Во-первых, власти Цинской империи, в состав которой входила Монголия, опасаясь усиления влияния

России в Северной Монголии, «*вплоть до 1861 г. держали русско-монгольскую границу почти наглухо закрытой для торговых и любых иных непосредственных контактов*» [Старцев 2013: 6]. Во-вторых, до второй половины XIX в. в экономических отношениях между Российской и Цинской империями Монголия выступала лишь в качестве транзитной территории. Российские купцы закупали в Китае ценные товары — шелк и чай, взамен поставляя меха и продукцию текстильной промышленности [Михайловская 1927: 3]. Непосредственно с монголами торговали в небольших объемах в основном жители приграничной полосы. Российский экспорт представлял собой в основном продукты питания (хлеб, масло, сало), орудия труда и домашнюю утварь. Из Монголии импортировались сено, древесина, скот [Чимитдоржиев 1987: 99–100].

Вектор русско-монгольских торговых отношений начал меняться в середине XIX в. В результате поражения Цинской империи в опиумных войнах российским дипломатам удалось заключить с китайской стороной ряд выгодных договоров — Кульджинский в 1851 г., Айгунский в 1858 г., Тяньцзиньский в 1858 г., Пекинский в 1860 г. и Санкт-Петербургский в 1881 г. Согласно их положениям, проводилась новая демаркация границ и оговаривались дополнительные условия взаимной торговли. В частности по условиям Пекинского договора устанавливалось, что «*на протяжении всей граничной линии, определенной первой статьей сего договора, допускается свободная и беспошлинная меновая торговля между подданными обоих Государств*» [Дополнительный 1889: 162], а российским купцам в Монголии «*по пути в Урге и Калгане допускается также торговать, не открывая оптовой продажи*» [Дополнительный 1889: 162–163]. Впервые в истории в Урге было открыто консульство Российской империи [Дополнительный 1889: 163]. Спустя два года, 20 февраля 1862 г., были ратифицированы дополнительные «Правила для сухопутной торговли с Китаем». По их условиям вводилась обоюдная 50-верстная пограничная полоса беспошлинной торговли. Российские предприниматели

могли вести дела *«также беспошлинно по всей подчиненной Китаю Монголии»* [Правила 1889: 192]. С вступлением в силу соглашения 1881 г. русские купцы получали, помимо окончательного закрепления привилегии вести торговлю без уплаты налоговых сборов на всей территории Монголии, право приобретать товары за наличный расчет [Договор 1889: 232].

В числе первых российских предпринимателей на внутренний монгольский рынок вышли сибирские купцы и промышленники. Представители торгового дома «Коковин и Басов» еще в 1860 г. открыли в Урге первую русскую торговую лавку [Даревская 1994: 80]. Примерно в это же время бийскими купцами Гилевыми, Котельниковым и Бодуновым были налажены поставки в Монголию российской текстильной продукции, а в обратную сторону сибирские предприниматели везли зеленый чай, серебро, скот, пушнину и верблюжью шерсть [Боголепов, Соболев 1911: 169]. Показатели взаимных экспортно-импортных операций демонстрировали небольшой, но уверенный рост: с 80 тыс. руб. в 1865 г. до 553 тыс. по итогам 1881 г. [Боголепов, Соболев 1911: 164]. Наиболее активно взаимная торговля развивалась в 50-верстной приграничной полосе, где экспортно-импортные операции не облагались пошлинами. Торговый оборот только на Акшинском участке границы Забайкальской области и Монголии всего за три года вырос со 131 тыс. руб. в 1881 г. до 195 тыс. в 1884 г. [Обзор 1885: 26].

Сибирские предприниматели занимались не только скупкой монгольских товаров и продажей отечественной продукции. Оценив растущие поставки дешевого монгольского сырья, забайкальские купцы стали активно развивать кожевенное производство. Еще в 1860 г. Я. А. Немчиновым был построен Чикойский завод, обрабатывавший свыше 5 тыс. монгольских кож в год. Следом за ним открыла свое производство фабрика И. А. Носкова в Верхнеудинске, ежегодно выпускавшая 6 тыс. выделанных из импортного сырья кож. Произведенная продукция с успехом реализовывалась как в России, так и соседних странах [Даревская 1994: 36–37].

Несмотря на указанные достижения, именно в это время окончательно сформировались обстоятельства, впоследствии сильно усложнившие развитие российско-монгольских торговых отношений. В полной мере с их влиянием сибирское купечество столкнулось в конце XIX – начале XX в., когда в качестве дополнительных источников финансирования экономики страны власти стали активно использовать иностранные инвестиции. Доля зарубежных капиталов в российской промышленности постоянно росла, увеличившись с 26 % (114 млн руб.) в 1890 г. до 47 % (1 млрд. 322 млн руб.) в 1900 г. [Эвентов 1931: 20]. Ежегодные процентные отчисления иностранным инвесторам составляли до 300 млн руб. [Муравьева 2002: 29–37]. Стремясь облегчить бюджет державы от столь тяжелого бремени имперские власти решили использовать механизмы экономической экспансии на внутренний рынок Цинской империи. По замыслу главного идеолога нового внешнеполитического курса страны — министра финансов С. Ю. Витте, предполагалось посредством прибыли, полученной от торговли в Китае, погашать западные займы. В своем докладе императору Николаю II, сделанном в феврале 1899 г., он отмечал, что *«... даже и теперь мы приближаемся к такому положению, и естественным завершением происходящего ныне преобразования было бы установление таких отношений, что процент за капиталы, полученные нами из Европы, мы выплачивали бы из нашей выручки от вывоза в Азию»* [Материалы 1959: 188–189]. Не менее важное значение для России имел свободный доступ к природным богатствам Цинской империи, необходимым для нужд отечественных фабрик и заводов. В рамках реализации данного плана властями Российской империи был задуман и реализован ряд грандиозных проектов. Строительство Транссибирской магистрали (1891–1916 гг.) и Китайско-Восточной железной дороги (1897–1903 гг.), а также создание в 1895 г. Русско-Китайского банка способствовали росту российского влияния.

Наличие надежного железнодорожного сообщения вкупе с финансовыми возможностями подконтрольного самодержавию

банка открывали широкие возможности для отечественных предпринимателей на внутреннем рынке Китая, в том числе и доступ к природным богатствам Монголии. Особый интерес для русских купцов представляла продукция местного животноводства, что было обусловлено важной ролью легкой промышленности в экономике Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. число рабочих, занятых в текстильной промышленности, составляло 36,5 % общего числа фабричных кадров страны, а совокупная ценность выпущенной продукции — 30 % стоимости всей российской промышленной продукции [Пасвольский, Моультон 1925: 108]. Стремительное увеличение производства и потребления вело к резкому росту потребности в сырье, полностью удовлетворить которую отечественные ресурсы уже не могли. Общее потребление хлопка имперскими фабриками за 21 год увеличилось на 120 % — с 11 735 тыс. пудов в 1890 г. до 25 824 тыс. пудов в 1911 г. При этом даже в относительно благополучном для отечественных хлопководов 1911 г. им удалось поставить лишь половину требуемого промышленности объема сырья. Оставшуюся половину составляли импортные поставки [Загорский 1917: 309]. Схожая ситуация наблюдалась и в других отраслях легкой промышленности.

Продукция монгольских аратов привлекала русских купцов возможностью ее выгодной перепродажи на рынках промышленно развитых государств Западной и Центральной Европы, США, Японии. В результате российской экономической экспансии в пределы Цинской империи и благодаря усилиям сибирских купцов начались поставки монгольской животноводческой продукции. Уже в 1895 г. в Монголии стала активно действовать фирма тюменского купца 1-й гильдии А. В. Колмакова, импортировавшая шерсть и шкурки сурка. За семь лет — с 1901 г. по 1907 г. — ежегодные объемы закупок фирмой монгольского сырья выросли почти в два раза — с 387 тыс. руб. до 673 тыс. руб. [Старцев 2013: 165]. Одновременно в Монголии развернули свою деятельность и другие русские предприниматели. К 1910 г. там действовало 145 русских

фирм, значительная часть которых принадлежала сибирским предпринимателям [Боголепов, Соболев 1911: 493–494]. Благодаря их активной деятельности ежегодные объемы поставок монгольских товаров в пределы Российской империи демонстрировали постоянный рост. Если в 1903 г. стоимость поставленной из Монголии аграрной продукции оценивалась в 3 млн 640 тыс. руб., то по итогам 1909 г. — около 5 млн руб. К 1909 г. в российском сырьевом импорте доля монгольских невыделанных кож составляла 12,1 %, шерсти — 13 %, крупного рогатого скота — 10,5 %, лошадей — 10,8 %, мелкого рогатого скота — 24,9 % [Московская 1912: 12]. Полученное сырье поступало для переработки на отечественные заводы и фабрики или же отправлялось на экспорт за рубеж. Так, один из наиболее успешных российских торговцев монгольскими товарами, бийский купец Н. И. Асанов ежегодно скупал шерсть и скот на сумму более чем 300 тыс. руб. Закупленная шерсть отправлялась им на уральские ткацкие фабрики или перепродавалась в США [Боголепов, Соболев 1911: 23].

4. Российско-монгольская торговля в конце XIX – начале XX в.: проблемы и трудности экономической экспансии

Несмотря на очевидные успехи, русский торгово-промышленный капитал (в частности сибирский) не смог взять под контроль внутренний рынок Монголии. По оценке современников, к 1908 г. общая стоимость торгового оборота Монголии оценивалась в 80 млн руб., из которых на долю России приходилось всего 5,5 млн руб. [Головачев 1914: 133]. В тот же период торговый оборот Монголии с Китаем составлял 50 млн руб. [Царская 1929: 10]. В чем же заключалась причина сложившейся ситуации? Ведь в начале XX в. для успеха российской экспансии имелись практически все условия: пролежавшая неподалеку от границы Транссибирская магистраль, наличие отлаженных сухопутных транспортно-логистических артерий (Великий чайный путь, Чуйский тракт), финансовая и политическая поддержка имперских властей. В совокупности со знанием сибирскими купцами специфики внутреннего рынка Монголии вышеперечис-

ленные аргументы должны были обеспечить России лидирующие позиции. Однако именно в конце XIX – начале XX в. в полной мере проявились зародившиеся ранее негативные факторы.

Первая и самая главная причина, по которой представители сибирского купечества не смогли поставить под контроль внутренний рынок Монголии, заключалась в наличии мощной конкуренции со стороны китайских предпринимателей. Начав свою деятельность в Монголии еще XVIII в., к приходу российских торговцев купцы Цинской империи контролировали внутренний рынок страны [Карпенко, Гармаева 2020: 19]. Сплоченные и отлично знающие особенности местной торговли китайские купцы являлись крайне опасными соперниками российских предпринимателей. Кяхтинский купец Г. М. Осокин в начале XX в. отмечал: *«Сильным конкурентом для русской торговли являются в Урге и китайцы, в особенности, в последнее время. Торговая политика их в отношении монголов поставлена более умело. Давая различные льготы, продавая товар дешевле, а главное, торгуя чаем как предметом первой необходимости, они, конечно, имеют и более обширный круг покупателей. И вообще тяготение монголов-покупателей к китайским торговцам очень заметное»* [Осокин 1906: 268]. Располагая аналогичным ассортиментом товаров, китайские купцы вели максимально жесткую борьбу на монгольском рынке. Получая из метрополии дешевые и качественные английские и американские ткани, при помощи демпинга они смогли практически полностью вытеснить российскую мануфактуру с прибыльного текстильного рынка Монголии [Головачев 1914: 133].

Вторым фактором, осложнявшим развитие торговых связей с Монголией, стали препятствия, чинимые маньчжурским правительством. Китайские купцы опирались на всемерную поддержку местных чиновников, а на деятельность русских предпринимателей накладывались, несмотря на условия российско-китайских соглашений 1860–1880-х гг., всевозможные ограничения. Сотрудник российской дипломатической миссии в Пекине А. С. Вахович по

результатам своей поездки в Монголию отмечал *«явное и еще более тайное недоброжелательство к нам китайских местных властей, очевидно, задавшихся целью если совсем не вытеснить, то по возможности стеснить русскую торговлю в управляемом ими крае»* [Старцев 2013: 78]. Вплоть до 1880-х гг. монголам запрещалось наниматься на работу к русским предпринимателям. Аналогичной точки зрения придерживались и представители сибирского купечества. В своих многочисленных письмах в адрес российского правительства они сообщали о систематических нарушениях правил торговли со стороны китайских предпринимателей, которые покрывались местными чиновниками [Старцев 2013: 80]. Однако долгое время жалобы отечественных предпринимателей не находили отклика, поскольку главной целью политической и экономической экспансии самодержавия в Азиатско-Тихоокеанском регионе в тот период выступала территория Маньчжурии и центральные области Китая. Все усилия и ресурсы, имевшиеся в распоряжении имперских властей, были сосредоточены в данном направлении. С 1895 г. по 1904 г. в Маньчжурию было направлено 563,5 млн руб. инвестиций. К 1902 г. доля капиталовложений России в Китай составила 31,3 % общего объема иностранных инвестиций [Никитина 2021: 47]. Именно по этой причине *«в течение долгого времени Монголия оставалась в стороне от большой дороги русской дальневосточной политики, что до известной поры у царского правительства не было достаточных политических и стратегических стимулов к активизации своей политики на этом относительно захолустном участке империалистической борьбы»* [Царская 1929: 9]. И вплоть до 1910-х гг. эта точка зрения, сформировавшаяся в отношении российских экономических интересов на территории Монголии, господствовала в высших властных кругах империи.

Третья причина заключалась в разобщенности российских предпринимателей. Уже упоминавшийся выше кяхтинский купец Г. М. Осокин, описывая жизнь русских торговцев в Урге, подчеркивал: *«Жажда наживы поглощала все другие интересы об-*

жизни колонии. Каждая фирма жила почти исключительно своими личными интересами» [Осокин 1906: 265]. Подобная разрозненность означала, что каждый российский предприниматель в Монголии мог рассчитывать только на собственные силы и средства, что накладывало ограничения на объемы проводимых им торговых операций. Торговый оборот даже таких крупных сибирских купеческих предприятий, как фирмы Бодуновых, Игнатьевых и Ассановых, не превышал 500 тыс. руб. в год [Майский 1959: 182]. В то же время финансовые возможности китайских конкурентов, всегда действовавших сообща, были намного больше. Ежегодный торговый оборот фирмы «Да Шень-ку» составлял 2 млн руб. при основном капитале в 30 млн руб., компании «Тянь И-де» — 700 тыс. руб. и 3 млн руб. соответственно. 25 крупных китайских фирм, действовавших в начале XX в. на территории Монголии, фактически поставили под контроль весь товарообмен страны, развернув целую сеть факторий [Майский 1959: 168].

Четвертым фактором, тормозившим деятельность русских купцов на монгольском рынке, стали сложности с доступом к необходимым для развития дела банковским услугам. Ведение бизнеса с последующим расширением требовало от предпринимателей наличия оборотных средств и определенного запаса ликвидной наличности. Большинство же российских купцов в Монголии не располагало свободными средствами. Долгое время в условиях отсутствия доступных банковских кредитов они были вынуждены брать необходимые для торговли товары и денежные средства в долг. С 1860-х гг. была распространена практика, когда сибирские купцы получали на Ирбитской ярмарке промышленные изделия в кредит с обязательством уплаты долга максимум через год. Как правило, подобной возможностью пользовались только крупные купцы, чьи капиталы служили надежным залогом кредитоспособности. Наличные средства могли быть получены в долг и у частных лиц, но под значительные проценты — до 15 % в месяц [Старцев 2013: 247].

Пятая причина, накладывавшая ограничения на увеличение товарооборота между Российской империей и Монголией, заключалась в плохо развитой транспортной инфраструктуре. К началу XX в. стало ясно, что возможности уже существующих торговых путей из Монголии в Россию не отвечают потребностям предпринимателей. В свою очередь китайские купцы смогли выстроить намного более удобные транспортные маршруты в направлении своих морских портов. В конце 1900-х гг. сибирский экономист М. Н. Соболев отмечал: «Транспорт на китайские гавани является сильным конкурентом транспорта на Бийск или Кяхту. Русские до сих пор мало думают об условиях транспорта. Он не только остается дорогим, но и с каждым годом, по мере развития китайского транспорта и сокращения кредитной торговли в Монголии, дающей дешевых верблюдов, будет повышаться в своей цене» [Боголепов, Соболев 1911: 327]. В итоге затраты на перевозку монгольского сырья в Китай стали намного меньше, чем отправка его в Россию. Стоимость транспортировки одного пуда шерсти по маршруту Урга – Калган стала дешевле на 70 коп. по сравнению с доставкой через Кяхту в Верхнеудинск [Боголепов, Соболев 1911: 328].

5. Российский торговый капитал на внутреннем рынке Монголии: пути преодоления проблем

Представители сибирского бизнес-общества прекрасно осознавали, насколько негативно указанные причины влияют на их деятельность в Монголии. В начале XX в. ими был предпринят ряд мер, призванных улучшить положение российского торгового капитала на монгольском рынке.

Осознавая силу китайских фирм, сибирские купцы и промышленники стали организовывать совместные предприятия, объединяя имевшиеся в наличии ресурсы. Так, в 1904 г. бийскими купцами Г. Г. Бодуновым, А. Д. Васеневым и П. А. Копыловым было учреждено «Русско-монгольское товарищество», занимавшееся поставками российской промышленной продукции и импортом монгольского сырья. Годовой оборот товарищества превышал 600 тыс. руб. [Эн-

циклопедический 2013: 225]. Наряду с созданием новых компаний началась реорганизация уже действующих. Типичным примером может служить знаменитый кяхтинский Торговый дом «Коковин и Басов». Созданная в 1885 г. купцами М. А. Коковиным и И. А. Басовым компания, изначально специализировавшаяся на торговле китайским чаем и японскими колониальными товарами [Краткая 1994: 93], в конце декабря 1907 г. была реорганизована с сохранением прежнего названия в товарищество на вере под управлением Г. А. Коковиной. Основной капитал предприятия составлял 500 тыс. руб. В качестве главных целей работы фирмы были заявлены различная торговля, коммерческие грузоперевозки, эксплуатация лесных и горных богатств в России и за границей – «особливо в Монголии» [ГА РБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1, 2, 6].

Следующей мерой, призванной усилить позиции российских предпринимателей в конкурентной борьбе с китайскими купцами, стало расширение сети торговых представительств-факторий во всех районах Монголии. Здесь удалось достичь заметных успехов. К 1910 г. на территории страны работали 244 русские фактории [Боголепов, Соболев 1911: 495–498]. В одном только Ван-Курене насчитывалось пять представительств сибирских купцов Коковина, Швецова, Муратова и Кудрявцева, Стукена, Бодунова [ГА ИО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 723. Л. 27].

Другим шагом, призванным укрепить позиции сибирского купечества в торговле с Монголией, стала ставка на улучшение технических мощностей предприятий, занятых в обработке местного сырья. Так, еще в конце 1899 г. один из учредителей «Кяхтинского кожевенного товарищества» купец 1-й гильдии И. Г. Корнаков сделал заказ в Санкт-Петербурге на поставку машинного оборудования для нужд Чикойского кожевенного завода [ГА РБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 881. Л. 10; ГА РБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 69. Л. 24]. Еще одним примером может служить запущенный в эксплуатацию в 1915 г. кожевенный завод «Сибирь-Монгол» в Иркутске. Предприятие было оснащено собственной электростанцией, паровыми машинами, прокатным станом, водопроводом и полным набором станков для

обработки кожи. Ежегодно завод выпускал из монгольского сырья до 30 тыс. штук подошвенных кож и юфти [Даревская 1994: 40].

Новые предприятия открывались не только на территории Российской империи. В 1900-х гг. представители сибирского купечества стали организовывать обработку монгольского сырья непосредственно на месте. Делалось это с целью снижения стоимости транспортных расходов. После помывки один пуд шерсти терял около трети своего веса без утраты своей ценности. Легко оценив выгоду, российские предприниматели стали массово организовывать специальные шерстомойки. К 1910 г. на территории Монголии действовало более 100 таких моек, принадлежащих русским купцам [Московская 1912: 255]. Открывали свое производство и предприятия, занятые обработкой других видов монгольского сырья. Так, купцом М. Л. Горбоносом недалеко от Улясутая был открыт кожевенный завод, выпускавший до 2 тыс. единиц продукции в год [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 723. Л. 21].

Сибирские купцы, понимая бесперспективность конкуренции с китайскими предпринимателями в торговле чаем и текстильной продукцией, сделали ставку на продвижение новых товаров. Им удалось умело воспользоваться вступлением в силу 12 мая 1903 г. закона о нормировании объемов ежегодного производства сахара для нужд внутреннего рынка [Об изменении 1905: 511–513] и организовать вывоз излишек за рубеж. В кратчайшие сроки поставки сахара в Монголию возросли с 2 тыс. пудов в 1902 г. до 14 тыс. пудов в 1903 г. [Боголепов, Соболев 1911: 263].

Не осталась без внимания сибирского купечества и проблема транспортно-логистической доступности монгольского рынка. В 1901–1902 гг. за казенный счет была проведена реконструкция Чуйского тракта — одной из главных транспортных артерий российско-монгольской торговли, что, впрочем, не улучшило ситуацию, и перевозка грузов по тракту по-прежнему оставалась дорогостоящей и медленной [Боголепов, Соболев 1911: 367–368]. Прекрасно осознавая все выгоды железнодорожного сообщения, в 1908 г. группа кяхтинских купцов во

главе с М. А. Лушниковым направила письмо в адрес иркутского генерал-губернатора А. Н. Селиванова с предложением провести *«изыскания по постройке Кяхтинской железной дороги, причем половину расходов по изысканиям торгующее на Кяхте купечество приняло на себя»* [Краткая 1914: 4–5]. Разрешение генерал-губернатора было получено 10 августа 1909 г., а уже 2 ноября работы были завершены. Согласно расчетам кяхтинских купцов, железная дорога по маршруту Мысовск – Кяхта могла быть успешно проложена, но из-за конкуренции со стороны верхнеудинского купечества, отстаивавшего направление Верхнеудинск – Кяхта, проект постройки железной дороги до границы с Монголией был отложен до 1910-х гг. [Краткая 1914: 4–5]. Другим направлением поисков новых торговых путей в Монголию стали изыскания, проводившиеся Торговым домом «Коковин и Басов» в конце 1900-х гг. на реке Селенга. После реорганизации 1907 г. дополнительными направлениями деятельности компании были определены «пароходное дело» и коммерческие перевозки товаров [ГА РБ. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1090. Л. 6]. По свидетельству очевидцев, принадлежавшие компании небольшие пароходы проводили пробные замеры в верховьях Селенги с целью налаживания регулярного водного сообщения [Боголепов, Соболев 1911: 97].

На рубеже XIX–XX вв. деловые проекты сибирских предпринимателей в Монголии стали получать более ощутимую поддержку со стороны властей Российской империи. В конце 1890-х гг. с открытием отделений Русско-Китайского банка сибирские купцы получили доступ к услугам специализированных финансово-кредитных организаций. Однако если в Маньчжурии учреждение располагало семью филиалами: в Харбине, Гирине, Куанченцзы, Цицикаре, Мукдене, Телине, Хайларе [Отчет 1902: 43], то на всей протяженной территории Монголии

работали всего три офиса учреждения — в Урге, Улясутае и Калгане [Отчет 1902: 31]. Тем не менее в условиях отсутствия конкуренции было возможно не только взять под контроль финансово-кредитный рынок Монголии, но и обеспечить российскому бизнесу неоспоримое преимущество перед его китайскими соперниками. Однако из-за промахов и ошибок руководства и сотрудников к 1910 г. монгольские отделения банка были ликвидированы [Плеханова, Ширапов 2020]. Намного более успешной и полезной для сибирских предпринимателей в Монголии была деятельность Верхнеудинского и Кяхтинского отделений Русско-Китайского банка. Возглавляемые местными купцами И. Д. Синицыным и П. Т. Труновым, прекрасно разбиравшимися в особенностях ведения дел на монгольском рынке, филиалы учреждения смогли внести значительный вклад в процесс расширения и укрепления позиций российского бизнеса в Монголии [Плеханова, Ширапов 2019; Ширапов 2020].

6. Заключение

С целью укрепления и расширения товарообмена с Монголией в условиях сильной конкуренции со стороны китайских предпринимателей представителями сибирского купечества к началу Синьхайской революции 1911 г. был реализован ряд важных мероприятий. Посредством объединения капиталов и расширения сети торговых представительств в Монголии, за счет предложения новых видов товаров, сделав ставку на глубокую переработку сырья и поиск новых транспортных маршрутов, сибирские купцы смогли удержать за собой значительную часть внутреннего рынка Монголии. Благодаря их усилиям в совокупности с поддержкой со стороны государства в виде открытия филиалов Русско-Китайского банка к началу 1910-х гг. российско-монгольские торгово-экономические отношения стали крепнуть и расширяться.

Источники

ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.
ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.

Sources

State Archive of Irkutsk Oblast.
State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

- Боголепов, Соболев 1911 — *Боголепов М. И., Соболев М. Н.* Очерки русско-монгольской торговли: экспедиция в Монголию 1910 г. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. 498 с.
- Гливиц 1911 — *Гливиц И. Б.* Железная промышленность в России: Экономико-статистический очерк с 35 статистическими таблицами, 1 картограммой, 8 диаграммами и справочными данными о некоторых заводах. СПб.: Тип. т-ва п. / ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1911. 104 с., IX л. картогр. прил.
- Головачев 1914 — *Головачев П. М.* Экономическая география Сибири. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 183 с.
- Грегори 2003 — *Грегори П. Р.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. И. Кузнецова, А. и Н. Тихоновых. М.: РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Даревская 1994 — *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: очерки истории русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1994. 401 с.
- Договор 1889 — Договор, заключенный в Санкт-Петербурге 12 февраля 1881 г. // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: М-во ин. дел, 1889. С. 225–237.
- Дополнительный 1889 — Дополнительный договор, заключенный 2 ноября 1860 г. в Пекине // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: М-во ин. дел, 1889. С. 159–172.
- Загорский 1917 — *Загорский С. О.* Война после мира: (по поводу Парижской экономической конференции союзников). Петербург: Жизнь и знание, 1917. 393 с.
- Карпенко, Гармаева 2020 — *Карпенко Е. В., Гармаева Т. И.* Организация торговли купцов провинции Шаньси в Монголии и Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. № 2. С. 18–24.
- Краткая 1914 — Краткая записка по вопросу о проведении Кяхтинской железной дороги. Иркутск: Электро-тип. И. А. Белоголового, 1914. 16 с.

References

- Bogolepov M. I., Sobolev M. N. Essays on Russia-Mongolia Trade: The 1910 Expedition to Mongolia. Tomsk: Siberia Printing Association, 1911. 498 p. (In Russ.)
- Gliwitz I. B. The Iron Industry in Russia: An Essay in Economics and Statistics. St. Petersburg: N. Stoikova, 1911. X, 148, 101, [3] p. (In Russ.)
- Golovachev P. M. Economic Geography of Siberia. Moscow: I. Sytin, 1914. 183 p. (In Russ.)
- Gregory P. R. Russian National Income, Late Nineteenth – Early Twentieth Century: New Calculations and Assessments. Moscow: ROSSPEN, 2003. 255 p. (In Russ.)
- Darevskaya E. M. Siberia and Mongolia: Essays in the History of Russian-Mongolian Relations, Late Nineteenth – Early Twentieth Century. Irkutsk: Irkutsk State University, 1994. 401 p. (In Russ.)
- Treaty of St. Petersburg (12 February 1881). In: Collected Russia-China Treaties, 1689–1881. St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs, 1889. Pp. 225–237. (In Russ.)
- Additional Treaty of Beijing (2 November 1860). In: Collected Russia-China Treaties, 1689–1881. St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs, 1889. Pp. 159–172. (In Russ.)
- Zagorsky S. O. War after Peace: On the Paris Economic Conference of the Allied Powers. Petersburg: Zhizn' i Znanie, 1917. 393 p. (In Russ.)
- Karpenko E. V., Garmayeva T. I. Organization of trade of Shanxi Province merchants in Mongolia and Siberia. *BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia*. 2020. No. 2. Pp. 18–24. (In Russ.)
- Construction of Kyakhta Railway: A Brief Note. Irkutsk: I. Belogoloviy, 1914. 16 p. (In Russ.)

- Краткая 1994 — Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 тт. Т. 1. А–Е. Кн. 1. Новосибирск: [б. и.], 1994. 170 с.
- Майский 1959 — *Майский И. М.* Монголия накануне революции. М.: Вост. лит., 1959. 310 с.
- Материалы 1959 — Материалы по истории СССР. Т. VI: Документы по истории монополистического капитализма в России / отв. ред. А. А. Новосельский, А. Л. Сидоров; отв. сост. В. А. Емец. М.: АН СССР, 1959. 800 с.
- Миронов 2023 — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 томах. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2023. 892 с.
- Михайловская 1927 — *Михайловская А. И.* Из истории русско-китайских отношений XIX века: (Айгунский трактат 1858 г.) Верхнеудинск: [б. и.], 1927. 11 с.
- Московская 1912 — Московская торговая экспедиция в Монголию 1912 года. Сборник. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. 424 с.
- Муравьева 2002 — *Муравьева Л. А.* Экономика и финансы России в годы промышленного подъема (1909–1913) // Финансы и кредит. 2002. № 5(95). С. 29–37.
- Никитина 2021 — *Никитина Д. А.* Российское торгово-промышленное предпринимательство в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. // Administrative Consulting. 2021. Т. 7. № 4. С. 44–50.
- Об изменении 1905 — Об изменении и дополнении действующих узаконений о сахарной промышленности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Отдел. I. Т. XXIII. 1903 г. № 22951. СПб.: Гос. тип., 1905. С. 511–513.
- Обзор 1885 — Обзор Забайкальской области за 1884 год. Чита: Тип. Забайкал. обл. правления, 1885. 64 [51] с.
- Обзор 1899 — Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1897 год. СПб.: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1899. 852 с.
- Осокин 1906 — *Осокин Г. М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
- Отчет 1902 — Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1901 г. СПб., 1902. 53 с.
- History of Merchantry and Commerce in Siberia: A Brief Encyclopedia. In 4 vols. Vol. 1. A–E. Book 1. Novosibirsk, 1994. 170 p. (In Russ.)
- Maisky I. M. Mongolia on the Eve of the Revolution. Moscow: Oriental Literature Press, 1959. 310 p. (In Russ.)
- Emets V. A. (comp.) Monopolistic Capitalism in Russia: Historical Documents (Soviet History Materials 6). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 800 p. (In Russ.)
- Mironov B. N. Imperial Russia: From Tradition to Modernity. In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: D. Bulanin, 2023. 892 p. (In Russ.)
- Mikhailovskaya A. I. Russia-China Relations in the Nineteenth Century: The 1858 Treaty of Aigun. Verkhneudinsk, 1927. 11 p. (In Russ.)
- Moscow Trade Expedition to Mongolia, 1912. Collected [documents]. Moscow: P. Ryabushinsky, 1912. 424 p. (In Russ.)
- Muravyova L. A. Russia's economy and finance during the years of industrial growth, 1909–1913. *Finance & Credit*. 2002. No. 5(95). Pp. 29–37. (In Russ.)
- Nikitina D. A. Trade and commercial entrepreneurship of Russians in Manchuria in the late 19th – early 20th centuries. *Novelty. Experiment. Traditions (Administrative Consulting)*. 2021. Vol. 7. No. 4. Pp. 44–50. (In Russ.)
- On Amendments and Supplements to Current Legal Acts Dealing with Sugar Industry. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 3. Section 1. Vol. 23. 1903. No. 22951. St. Petersburg: State Publ. House, 1905. Pp. 511–513. (In Russ.)
- Transbaikal Oblast: A 1884 Review. Chita: Transbaikal Oblast Governorate (Executive Office), 1885. 64 [51] p. (In Russ.)
- Russia's Foreign Trade along the European and Asian Borders: A 1897 Review. St. Petersburg: M. Frolova, 1899. 852 p. (In Russ.)
- Osokin G. M. Along Mongolia's Border: Essays and Materials in the Ethnography of Southwest Transbaikalia. St. Petersburg: A. Suvorin, 1906. 304 p. (In Russ.)
- Russo-Chinese Bank: A 1901 Operational Report. St. Petersburg, 1902. 53 p. (In Russ.)

- Пасвольский, Моультон 1925 — *Пасвольский Л. М., Моультон Г. Г.* Русские долги и восстановление России. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1925. 254 с.
- Плеханова, Ширапов 2019 — *Плеханова А. М., Ширапов А. А.* Верхнеудинское отделение русско-китайского банка: направления, специфика и результаты деятельности в условиях трансграничья // *Власть*. 2019. Т. 27. № 3. С. 206–211.
- Плеханова, Ширапов 2020 — *Плеханова А. М., Ширапов А. А.* Ургинское отделение Русско-Китайского банка (1900–1910 гг.): недлинная история // *Вопросы истории*. 2020. № 10–2. С. 115–125. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30
- Правила 1889 — *Правила для сухопутной торговли с Китаем, заключенные в Пекине 20 февраля 1862 г. // Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг.* СПб.: М-во ин. дел, 1889. С. 192–195.
- Старцев 2013 — *Старцев А. В.* Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2013. 411 с.
- Статистический 1914 — *Статистический ежегодник России 1913 г. Год десятый.* СПб.: Издание Центр. стат. ком-та МВД, 1914. X отдел. 661 с.
- Царская 1929 — *Царская Россия и Монголия в 1913–1914 гг.* С предисловием А. Попова // *Красный архив. Исторический журнал*. Т. 6(37). М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 3–68.
- Чимитдоржиев 1987 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 240 с.
- Ширапов 2020 — *Ширапов А. А.* Специфика деятельности Кяхтинского отделения русско-китайского банка в начале XX вв. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 3. С. 33–38.
- Эвентов 1931 — *Эвентов Л. Я.* Иностранные капиталы в русской промышленности. М., Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1931. 103 с.
- Энциклопедический 2013 — *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 тт. Т. 2: М–Я.* Новосибирск: Гео, 2013. 464 с.
- Maddison 2005 — *Maddison A.* Growth and Interaction in the World Economy: The Roots of Modernity. Washington: AEI Press, 2005. 93 p.
- Pozvolsky L. M., Moulton H. G. Russian Debts and Russian Reconstruction. Moscow: USSR People's Commissariat for Finance, 1925. 254 p. (In Russ.)
- Plekhanova A. M., Shirapov A. A. Verkhneudinsk branch of the Russo-Chinese Bank: Directions, specificity and results of activities in conditions of transboundary area. *Vlast' (The Authority)*. 2019. Vol. 27. No. 3. Pp. 206–211. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6446
- Plekhanova A. M., Shirapov A. A. The Urginsky Branch of the Russo-Chinese Bank (1900–1910): Short story. *Voprosy Istorii (Questions of History)*. 2020. No. 10–2. Pp. 115–125. (In Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi30
- Regulations for Land Trade with China (Beijing, 20 February 1862). In: *Collected Russia-China Treaties, 1689–1881*. St. Petersburg: Ministry of Foreign Affairs, 1889. Pp. 192–195. (In Russ.)
- Startsev A. V. Russia-Mongolia Trade and Economic Relations, Mid-Nineteenth to Early Twentieth Century. Barnaul: Altai State University, 2013. 411 p. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook — 1913: Year Ten. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs (Central Statistical Committee), 1914. Pt. 10. 661 p. (In Russ.)
- Tsarist Russia and Mongolia in 1913–1914. A. Popov (foreword). *Krasnyi arkhiv (historical journal)*. 1929. Vol. 6(37). Pp. 3–68. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B. Russia and Mongolia. Moscow: Nauka, 1987. 240 p. (In Russ.)
- Shirapov A. A. Specifics of the Kyakhta Branch of the Russian-Chinese Bank in the beginning of the XX century. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Humanities*. 2020. No. 3. Pp. 33–38. (In Russ.)
- Eventov L. Ya. Foreign Capital in Russian Industry. Moscow, Leningrad: Sotsekgiz, 1931. 103 p. (In Russ.)
- History of Merchantry and Commerce in Siberia: An Encyclopedic Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. М–Я. Novosibirsk: Geo, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maddison A. Growth and Interaction in the World Economy: The Roots of Modernity. Washington, D.C.: AEI Press, 2005. 93 p. (In Eng.)